

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Б. Хлебникова

РОЛЬ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ В РАЗВИТИИ ЧЕРНОГОРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В сообщении речь идет о том, какую роль сыграли военно-политические мифы в становлении и развитии черногорской государственности в XIX – начале XX в. Интерес к политической мифологии в гуманитарных и общественных науках вырос во второй половине XX в. Ученые обратили внимание на то, как быстро срастались мифы с современными политическими идеологиями и как успешно использовались в общественной жизни для достижения политических целей. Эту популярность мифов объясняли тем, что они воздействуют не только на сознание, но и на подсознание электората, отсылая к древним архетипам, лежащим в основе разных культур. В этом и кроется сила современной политической мифологии. Она неуязвима для рациональных аргументов, зачастую вызывает к историческим чувствам, а не к разуму. История знает немало примеров, когда уходящие корнями в глубокое прошлое мифы приносили политикам солидные дивиденды в настоящем. В XIX – начале XX в. такую активную «эксплуатацию» военно-политических мифов можно было наблюдать в Черногорском княжестве. Миф о непобедимости черногорских воинов стал стимулом к непримиримой борьбе с Османской империей. Героический эпос, созданный народом за несколько веков, на протяжении которых продолжалась эта борьба, обосновывал необходимость построить свое национальное государство. Когда же оно было создано, мифы помогли укрепить авторитет правителя, дали ему возможность держать страну в состоянии строгой дисциплины и безусловного подчинения монарху. Черногорские военно-исторические мифы также помогали укреплять авторитет княжества на международной арене. Руководители Российской империи были полны решимости использовать уникальные боевые качества черногорцев для достижения собственных целей на Балканах и потому не пожалели средств на модернизацию вооруженных сил Черногории. Правда, результат модернизации оказался гораздо скромнее, чем размеры русских дотаций.

Хлебникова Варвара Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: istfilos@gmail.com).

Ключевые слова: военно-исторические мифы; Черногорское княжество; Российская империя; государственность; модернизация вооруженных сил; политическая мифология.

Миф как древнейшая форма человеческого знания о себе и об окружающем мире всегда был предметом пристального внимания. Уже в древности люди старались сохранить и систематизировать мифы, перевести их из фольклорной формы в письменную, потому что в них был собран накопленный исторический опыт и мудрость предшествующих поколений, на них основывалась картина мира, формировалось общественное сознание. Если до середины XX в. мифы изучали наряду с такими феноменами, как коллективная память, национальные чувства, символы, традиции и т.п., то во второй половине XX столетия миф стал объектом исследований социологов и политологов. Произошел очевидный переход от понимания мифа как культурного явления к его рассмотрению в качестве политического феномена. Политическая мифология почти одновременно привлекла внимание маститых авторов Э. Кассирера, М. Эйдельмана и Л. Беннета, К. Флада, Ч. Боттичи, Б. Шаллана, Ж. Сорреля, С. Московичи и многих других. И это не было случайным совпадением. Например, Э. Кассирер был убежден, что без обращения к мифу как к порождению коллективного бессознательного не удастся понять феноменальный успех национал-социалистов в Германии. Рациональные объяснения не давали полного ответа на вопрос, как немецкая нация смогла поддаться влиянию человеконенавистнических идей [Кассирер, 1990]. После Второй мировой войны тоталитарные политические идеологии потерпели крах. Было заметно, как снижался интерес избирателей и к другим доктринам. Их нишу стали быстро заполнять политические мифы, и сейчас ученые уже не берутся отделить миф от идеологии, полагая, что они слились в неразрывное целое [Фишман, 2006]. Миф перестал ассоциироваться с архаикой, хотя механизм его воздействия на человека не изменился с древних времен. Сначала под влиянием мифа меняется общественное сознание, а потом и деятельность людей.

Современные политические мифы переводят коллективное бессознательное, т.е. ту часть психики, которая находится вне прямого рассудочного контроля, в сферу практической политики. Если считать, что миф – это сумма психического опыта всех предшествующих поколений, то современный политический миф – это инструмент извлечения накопленного опыта из прошлого и применение его в настоящем. Политический миф, как и любой другой, является конструкцией, основанной на архетипе – самом общем и универсальном

образе. Э. Кассирер полагал, что политический миф неуязвим, потому что не чувствителен к рациональным аргументам [Кассирер, 1990]. Миф – это вымысел, но не осознанный, а подсознательный. Если древняя архаическая мифология представляла собой космологические представления о мире, то современная политическая мифология претендует на то, чтобы стать социальной моделью мира. Она превратилась в стимул для достижения политических целей и идеалов, стала содержанием политической пропаганды и способом легитимации политических лидеров. Конкретные исторические примеры позволяют увидеть, как происходили такие трансформации, как «вживлялся» миф в политическую практику, влиял на принятие решений, формировал новые ценности. В данном случае речь пойдет о том, как воздействовали политические мифы на общественное сознание и поведение черногорского народа в XIX – начале XX в., когда совершался переход от племенного строя к государственному существованию.

Черногорское княжество образовалось высоко в горах на западе Балканского полуострова в ходе длительной борьбы с Османской империей, которая считала отдаленный регион своим хасом – пограничной административно-территориальной единицей. С формально-юридической точки зрения так и было. Но на практике все попытки турок осуществить свою власть над черногорцами, например, собирая налоги, наталкивались на яростное сопротивление местных племен и выливались в бесконечные вооруженные конфликты. Так и рождался военно-политический миф о том, что Черногория никогда не покорялась туркам и оставалась единственным островком славянской свободы на Балканах. Публицисты и путешественники любили называть ее «гнездом орлов» [Россиев, 1905]¹. Зародившись еще в XV–XVII вв., миф о непокорной Черной Горе заметно влиял на этническое самосознание и на боевой дух горцев, сопротивление которых не угасало, а напротив, становилось все сильнее. Миф обрастал новыми деталями и подробностями, расцветивался новыми красками в героическом эпосе черногорцев – историко-песенном фольклоре, воспевавшем боевые подвиги предков. Существенную роль в популяризации мифа играли не только местные сочинители-исполнители героических (юнацких) песен, но

---

¹ Такое же желание подчеркнуть романтический ореол, окружающий черногорскую историю, мы видим и в новейших исследованиях о Черногории. Например, монография Ю.П. Аншакова, изданная Институтом славяноведения РАН в 2019 г., называется «Черногория – “горное соколиное гнездо” свободы на Балканах». Это название, по сути, стало квинтэссенцией мифов о Черногории, хотя книга посвящена реальным историческим событиям XVIII – первой половины XIX в.

и зарубежные путешественники, записывавшие и публиковавшие в европейских журналах и отдельными книгами эти фольклорные произведения [Ровинский, 1905]. Миф вышел далеко за границы изолированного в горах этноса, стал приобретать известность и популярность среди других народов Европы. В XIX в., когда борьба черногорцев за независимость приближалась к решающему моменту, международное сообщество уже «привыкло» к мысли о том, что славяне завершают свою борьбу за свободу и создают собственную государственность. В это столетие случались самые крупные битвы славян с турками и самые значимые события военной истории, они обогащали мифы новыми сюжетами, именами реальных, а не вымышленных героев, более-менее достоверными историческими фактами. Собирабельный образ черногорского юнака становился все выразительнее: это воин, который не только не боится смерти, но и ищет ее в бою, стараясь увлечь за собой на тот свет как можно больше врагов. Для героя нет ничего страшнее, чем смерть в собственном доме, на своей постели, а не в сражении. Черногорец никогда не сдается в плен, он вынослив как сверхчеловек, легко переносит стужу, голод, преодолевает пешком большие расстояния. Виртуозно владеет холодным оружием, не знает промаха, если стреляет из ружья. Юнацкие песни утверждали, что черногорское войско почти всегда одерживало верх над турецкой армией, которая была более многочисленна и лучше вооружена. Внимание акцентировалось на том, что турецким войском командовали знаменитые полководцы, а противостояли им простые люди, народные вожаки. Как и положено мифу, утверждалось, что самым удачливым героям покровительствовали сказочные существа вилы. Конечно, такая народная борьба должна завершиться успехом, победой и международным признанием. Противоречие мифа – Черногория не была покорена, но освободилась в 1878 г. и получила суверенитет на Берлинском конгрессе – ничуть не смущало не только патриархальных черногорцев, но иностранных журналистов, путешественников и ученых, занимавшихся изучением героического эпоса и его популяризацией.

После приобретения независимости военно-политическая мифология черногорцев продолжила способствовать развитию государственности. Многочисленными мифами представлен образ черногорского правителя князя Николы Петровича-Негоша, превратившись в символ национальной свободы. В юности Никола не пользовался особым влиянием на своих земляков, но стоило ему в 1860-х годах принять участие в боевых действиях, его авторитет стал быстро расти. В 1876–1878 гг. во время войны с Османской империей князь

лично командовал черногорским войском, вместе со всеми носил камни для возведения военных укреплений, придумал хитрый маневр, с помощью которого был захвачен приморский городок Бар, и популярность правителя достигла апогея. Личное внимание Николы, проявленное им к подданным, было дороже всех наград, княжеское слово становилось последним в любом судебном споре. Популярность правителя родила новый фантастический миф. Черногория жестоко страдала от летних засух, после которых наступали голодные зимы. И родилось поверье: если в разгар засухи князь поднимется на вершину горы Ловчен, которая нависала над столицей, обязательно пойдет дождь. Кстати, неприступный Ловчен был еще одним политическим символом черногорской независимости, и о нем тоже были сложены разные предания. Сербский писатель С. Матвуль, работавший в те годы в Черногории, писал, что сам князь начинал верить в легенду о себе и тайком поднимался на Ловчен во время засухи [Матвуль, 1953: 134]. При этом Никола Петрович был суровым авторитарным правителем, эксплуатировал свой народ, облагая его высокими налогами и даже отработками, тратил казну на нужды своего семейства, стремясь встать на один уровень с другими европейскими монархами. Именно князь опутал страну тяжелыми внешними долгами, которые не давали возможности успешно развиваться черногорской экономике. Попытки критиковать внутреннюю и внешнюю политику Николы, предпринятые некоторыми черногорцами, особого успеха не имели. Оппозиционеры были вынуждены уезжать в эмиграцию, где публиковали публицистические сочинения, осуждавшие руководителей княжества. Эта публицистика запустила в обращение своего рода «антимифы» или черные мифы, изображавшие князя и его предков отпетыми злодеями. У такой литературы были свои читатели, хотя и не столь многочисленные, как поклонники князя Николы.

Велика также роль военно-политических мифов и во внешней политике Черногорского княжества после международного признания. Европейские державы проявляли повышенное внимание к родившемуся в войнах государству. Самой восприимчивой к мифу о непобедимости черногорцев оказалась Российская империя, которая внесла решающий вклад в дело развития черногорской государственности. Если первоначальный интерес к черногорским племенам, проявленный Петром Великим в 1711 г., можно связать царя с желанием найти союзников в войне России с турками, то более близкое знакомство русских военных и дипломатов показало, что народное ополчение Черногории не может быть существенным фактором в войне. Однако интерес к черногорцам не исчез, потому

что на русское национальное самосознание уже не одно столетие влиял другой политический миф – «Москва – третий Рим». Кому как не России следовало защищать и освобождать славянские православные народы от турецкого ига? С удивительной последовательностью российские императоры на протяжении двух веков покровительствовали Черногории, оказывая регулярную и постоянно растущую материальную помощь [Хлебникова, 2016]. Когда же на рубеже XIX–XX вв. траты на Черногорию стали слишком велики, российские политики нашли для них новое обоснование: «В случае политических усложнений черногорская армия может принести нам пользу как отдельно действующий в западной части Балканского полуострова отряд наш, могущий отвлечь часть сил противников наших от главного театра военных действий и, сверх того, сгруппировать вокруг соседние нам славянские элементы». Это выдержка из инструкции МИД, отправленной русским дипломатам, работавшим в княжестве². Об удивительной щедрости России можно судить по таким фактам. В 1894 г. после обращения черногорского князя российское правительство подарило его стране 30 тыс. берданок и патроны к ним, а также шесть пулеметов, которые в те времена стоили очень дорого. В 1898 г. по подсчетам министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, «издержки казны по снабжению Черногории оружием в 1895–1898 годах уже превысили 1 и 1/2 миллиона рублей (это кроме регулярных выплат на различные нужды княжества)» [Хлебникова, 2016: 182]. С 1896 г. ежегодно выплачивали 82 тыс. руб. на содержание учебных батальонов в Черногории. В 1902 г. эту выплату увеличили до 331 тыс. руб., в 1909 г. до 600 тыс. руб. За 1895–1906 гг. Россия израсходовала на военные нужды Черногории 2 150 тыс. руб., не считая стоимости подаренных крупных партий оружия [Хлебникова, 2016: 189]. Вряд ли история знает другие примеры такой успешной монетизации политических мифов. Увы, итоги российских вложений в черногорские вооруженные силы, состоявшие из «чудо-богатырей», оказались ничтожными. По признанию русских военных специалистов и дипломатов, «гора родила мышь». Россия не получила ожидаемых результатов ни в ходе Балканских войн 1912–1913 гг., ни в Первой мировой войне. Однако очевидно, что крохотному балканскому государству, бедному ресурсами, окруженному недружественными державами Османской империей и Австро-Венгрией, финансовые вливания из России были весьма кстати. Черногорцы получили уникальную возможность построить национальный государственный аппарат на иностранные

---

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политический архив. Оп. 482. Д. 3318. Л. 3.

деньги. Это стало особенностью государственного развития Черногории в XX и даже в начале XXI в. Сначала социалистическая Югославия была платформой, на которой продолжалось государственное строительство в Черногории. Теперь Европейский Союз разрешил черногорцам использовать евро в качестве национальной валюты, хотя эта страна не является членом европейского объединения.

Завершая, отметим, что историки уже давно задаются вопросом, как удалось выжить и обрести государственность столь малочисленному этносу в таких неблагоприятных условиях? На наш взгляд, немаловажную роль в черногорской истории сыграли военно-политические мифы. Они на протяжении веков выполняли мобилизационную и пропагандистскую функции, формировали этническое самосознание черногорцев. Запертые в горах, лишённые ресурсов, подвергавшиеся военному насилию со стороны Османской империи, черногорские племена выживали, занимаясь разбоем, отнимая у соседних народов необходимые для жизни предметы и продовольствие. Устное народное творчество придало этой жестокой реальности героические и романтические черты, привлекательный облик. Эпические предания о воинственных предках помогали переносить бесконечные тяготы суровой жизни и вдохновляли на новые подвиги. Мифы существенно влияли на шкалу черногорских ценностей в военное и мирное время. Они определили форму политического поведения, обязав каждого члена сообщества сражаться за родину и бесстрашно идти на смерть. Черногорская элита на рубеже XIX–XX вв. успешно эксплуатировала военно-исторические мифы для поддержания железной дисциплины в княжестве. В стране сложился суровый авторитарный политический режим, символом которого стал монарх. Можно много спорить о противоречивости этого политика и о неоднозначных результатах его деятельности, но его исключительную популярность у большинства черногорцев опровергнуть невозможно. Миф о боевых заслугах сделал Николу Петровича-Негоша почти неуязвимым для политических оппонентов. Еще большую пользу принесла военно-политическая мифология правителям княжества во внешней политике, легенды о войнах черногорцев повышали авторитет маленького народа на международной арене. В глазах европейцев черногорцы выглядели боевитым народом, способным одерживать невероятные победы и приносить пользу своим союзникам. Особенно верила в это часть российской элиты, которая не пожалела усилий и финансов для модернизации вооружённых сил княжества. Увы, реальная, а не мифологизированная история развеяла иллюзии руководителей Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анишаков Ю.П.* Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах. М., 2019.
2. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 58–65.
3. *Матавуљ С.* Биљешке једног писца. Сабрана дела. Т. IV. Београд, 1953.
4. *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. Ч. 3. СПб., 1905.
5. *Россиев П.А.* Гнездо орлов. Путевые впечатления в Черногории. М., 1905.
6. *Фишман Л.Г.* Политический миф и идеология // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 175–180.
7. *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. М., 2016.

Varvara B. Khlebnikova

THE ROLE OF MILITARY-POLITICAL MYTHS IN THE DEVELOPMENT OF MONTENEGRIN STATEHOOD IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In this article the role of military-political myths in the formation and development of Montenegrin statehood in the 19th and early 20th centuries is discussed. In the second half of the twentieth century the interest in political mythology in the humanities and social sciences increased. Scientists drew attention to how quickly myths fused with modern political ideologies and how successfully they were used in public life to achieve political goals. This popularity of myths was explained by the fact that myths affect not only the consciousness, but also the subconscious of the electorate, referring to the ancient archetypes that underlie different cultures. This is the power of modern political mythology. It is invulnerable to rational arguments, often appealing to historical feelings, and not to reason. History knows many examples when myths rooted in the deep past brought politicians substantial dividends in the present. In the XIX – early XX centuries such an active “exploitation” of military-political myths could be observed in the Montenegrin principality. The myth of the invincibility of Montenegrin warriors became an incentive for an irreconcilable struggle with the Ottoman Empire. The heroic epic created by the people over several centuries justified the need to build their own national state. Myths helped strengthen the authority of the ruler, gave him the opportunity to keep the country in a state of strict discipline and unconditional submission to the monarch. Montenegrin military historical myths also helped to strengthen the authority of the principality in the international arena. The leaders of the Russian Empire were determined to use the unique fighting qualities of the Montenegrins to achieve their own goals in the Balkans and therefore did not spare the funds for the modernization of the armed forces of Montenegro. However the result of modernization was unexpectedly small compared to the size of Russian subsidies.

Key words: military-historical myths; the Montenegrin principality; the Russian Empire; statehood; modernization of the armed forces; political mythology.

About the author: *Varvara B. Khlebnikova* – PhD in History, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: istfilos@gmail.com).

REFERENCES

1. Anshakov Y.P. 2019. *Chernogoriya – «gornoe sokolinoe gnezdo» svobody na Balkanah* [Montenegro is a “mountain falcon’s nest” of freedom in the Balkans]. Moscow. (In Russ.)
2. Kassirer E. 1990. Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [Technique of modern political myths]. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 2, pp. 58–65. (In Russ.)
3. Matavulj C. 1953. *Bilješke jednog pisca. Sabrana dela* [Notes by one writer. Collected works]. Vol. IV. Beograd. (In Serbian)
4. Rovinskij P.A. 1905. *Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem* [Montenegro in its past and present]. Vol. III. Ch. 3. Saint Petersburg. (In Russ.)
5. Rossiev P.A. 1905. *Gnezdo orlov. Putevye vpechatleniya v Chernogorii* [Nest of eagles. Traveling experiences in Montenegro]. Moscow. (In Russ.)
6. Fishman L.G. 2006. Politicheskij mif i ideologiya [Political myth and ideology]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], no. 4, pp. 175–180. (In Russ.)
7. Khlebnikova V.B. 2016. *Chernogoriya: fenomen nacional’noj gosudarstvennosti* [Montenegro: the phenomenon of national statehood]. Moscow. (In Russ.)